ЧЕРНЫЙ ПРОТОКОЛ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Э. Морвейн

Черный протокол

«Автор»
2026

Морвейн Э.

Черный протокол / Э. Морвейн — «Автор», 2026

Тёмный роман · Триллер · Постапокалипсис2039 год изменил мир навсегда.Биологическая катастрофа унесла миллионы жизней. Города превратились в руины, опасные зоны поглотили целые территории, а военные базы стали последней опорой цивилизации. Эрика Гейзэл — капитан отряда «Зевс». Жёсткая, вспыльчивая и привыкшая полагаться только на себя, она научилась выживать там, где слабость стоит слишком дорого. Её прошлое — закрытая книга, а собственные чувства — то, что она предпочитает держать под замком.До тех пор, пока на её пути не появляется он.Киллиан Кайертон — человек, которого не должно быть среди живых. Бывший боец «Бартона», пропавший вместе со своим подразделением два года назад, он возвращается совершенно другим. За его плечами — провал в памяти, шрамы неизвестного происхождения и воспоминания, которые приходят лишь обрывками. А в его крови скрывается нечто, способное однажды оборвать его жизнь.Иногда, чтобы спасти любимого человека, приходится пожертвовать всем.Даже собой.

© Морвейн Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Э. Морвейн
Черный протокол

Глава 1

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ

Данная книга предназначена для взрослой аудитории и содержит сцены, которые могут оказаться эмоционально тяжелыми для некоторых читателей.

В произведении могут присутствовать:

- Подробное физическое и психологическое насилие, пытки, увечья и убийства.
- Сексуальное насилие, принуждение и домогательства со стороны второстепенных персонажей.
- Подробные интимные сцены.
- Принудительное употребление наркотических веществ и лекарственных препаратов.
- ПТСР, панические атаки, травматические воспоминания и психологические последствия насилия.
- Пленение, похищения и жестокое обращение с пленными, в том числе несовершеннолетними.
- Незаконные эксперименты над людьми, принудительное заражение и медицинская жестокость.
- Инфекция, телесный хоррор, кровь и тяжелые телесные повреждения.
- Военные преступления, злоупотребление властью, предательство и морально тяжёлые решения.
- Смерть персонажей, потеря близких и чувство вины выжившего.
- Самоповреждение и суицидальная тематика

●

Ненормативная лексика, мрачная атмосфера и психологически напряженные ситуации.

Некоторые сцены могут быть описаны подробно. Пожалуйста, учитывайте собственные эмоциональные границы при чтении.

ПРОЛОГ

2049 год. Зона «Чёрный квадрат».

— «Сектор», ответьте. Приём.

В динамике раздался треск — сухой, рваный, точно кто-то скреб ногтем по ржавому металлу изнутри эфира, — и я убрал палец с кнопки рации, инстинктивно поморщившись. Этот звук не был похож на обычные помехи: в нём чудилась ритмичность, будто треск складывался в слова, которые я не мог разобрать. Посмотрел на часы: ответ опаздывает на семь минут. Семь минут в обычных условиях ничего не значили — можно выкурить сигарету, перезарядить магазин, проверить пару раз кнопку на рации. Но здесь, в «Чёрном квадрате», они могли стоить целого отряда или даже больше.

— «Сектор», это «Рэд». Приём.

Тишина. Блять. Какого?

Лес вокруг дышал сыростью и гнилью. Деревья стояли так плотно, что их кроны смыкались над головой в сплошной тёмный свод, сквозь который не пробивался ни один луч — только серый, мутный свет, будто день сюда заглядывал из милости и тут же уходил. Стволы были покрыты лишайником, похожим на засохшие раны, а меж корней стелился туман — низкий, тяжёлый, он не рассеивался, а перетекал с места на место, как живой. Воздух пах железом и чем-то сладковатым, приторным, от чего першило в горле. Где-то далеко, за стеной деревьев, ухала птица — три раза, с одинаковыми паузами, и это было настолько правильно, что казалось механическим.

— Кай, может, у них связь накрылась? — спросил один из бойцов, проверяя магазин автомата. Металл щёлкнул громко, неестественно громко в этой тишине, и звук ушёл в лес, не встретив эха.

— Может, но мы давно должны были их услышать.

— И что будем делать?

Киллиан медленно поднял взгляд. Впереди, между деревьями, тянулась заброшенная дорога — асфальт потрескался, из трещин пробилась трава, местами доходившая до колена. На обочине стоял покосившийся столб с обрывком провода, раскачивавшимся без ветра. Дальше — развалины: бетонная коробка здания без крыши, из окон которой свисали куски арматуры, похожие на сломанные рёбра. «Чёрный квадрат» не зря считался одной из самых опасных зон: заброшенные дороги, разрушенные здания и лес, в котором легко потерять направление даже с навигацией — она здесь работала с перебоями, а компас мог указать не туда. Здесь когда-то пропадали люди, иногда находили тела, а иногда не находили ничего. Сегодня они должны были забрать «Объект 31» и доставить его на «Бартон». Обычная операция, по крайней мере так им сказали.

— Кай, движение на три часа.

Киллиан поднял руку, приказывая всем замереть. Между деревьями мелькнула тень — быстрая, низкая, слишком гладкая для зверя, — а затем ещё одна, чуть левее. Он вскинул оружие.

— Кто там?!

Ответом стал выстрел. Боец рядом с ним рухнул на землю прежде, чем успел нажать на спусковой крючок: пуля вошла ему под ключицу, и он упал лицом в мох, не издав ни звука, только пальцы ещё секунду скребли землю.

— Контакт! Укрытие! — рявкнул Киллиан.

Лес взорвался стрельбой. Но они не видели противника: только вспышки между стволами — короткие, яркие, как далёкие молнии, — отдельные силуэты, скользившие от дерева к дереву, и пули, срезавшие ветки над головами. Кора лопалась, брызгала щепой, листья сыпались на плечи. Нападавшие знали, где они находятся, и куда отряд попытается отступить, и каждый раз, когда «Рэд» менял позицию, огонь встречал их с новой стороны — со стороны, откуда они не ждали. Это не было случайным нападением. Их ждали. Кто-то заранее нарисовал на карте их маршрут, отметил каждый шаг, каждое укрытие — и теперь вёл их по этому маршруту, как скот по коридору.

Туман между деревьями стал гуще, будто стрельба его поднимала, и в нём начали проступать очертания — не людей, а чего-то большего, неподвижного, наблюдавшего. Киллиан моргнул, и очертания исчезли.

— «Сектор», ответьте, мать вашу! — он снова нажал на рацию, в этот раз повышая голос. — Мы под атакой! Повторяю, мы под атакой!

Вместо ответа раздался короткий сигнал помех, а затем чужой голос. Он прозвучал в наушнике слишком отчётливо, словно говоривший находился очень близко — стоял за спиной, наклонялся к самому уху.

— Кайертон.

Киллиан замер. По спине прошёл холод, не связанный с боем.

— Кто это?

— Ты всегда был хорош в своей работе. Быстрый. Жестокий. Уверенный в том, что контролируешь ситуацию. Не зря тебя зовут лучшим в своём деле.

Киллиан стиснул зубы. Рука на цевье автомата побелела.

— Назови себя, ублюдок.

На другом конце связи тихо рассмеялись — негромко, без злорадства, скорее с любопытством, будто наблюдатель, нашедший в происходящем что-то давно ожидаемое.

— Но посмотрим, насколько хорошо ты справишься, когда правила изменятся.

Связь оборвалась. И в ту же секунду пуля попала Киллиану в плечо: его отбросило назад, оружие выскользнуло из руки, и он рухнул на колено, прижав ладонь к кровоточащей ране. Кровь была горячей и шла быстро, пропитывая ткань.

— Кай!

Он попытался подняться. Из-за деревьев уже выходили вооружённые люди, чьи лица скрывали маски — гладкие, без прорезей, будто слепые. Двигались они спокойно, без суеты, будто исход боя был известен им заранее. Их было много — больше, чем должно было быть в этой части зоны, больше, чем могло здесь находиться. Один из бойцов «Рэда» бросился к ближайшему укрытию, но автоматная очередь остановила его на полпути, и он упал, нелепо взмахнув рукой, как будто пытался схватиться за воздух. Киллиан потянулся к оружию — и чужой ботинок наступил на его руку. Он вскрикнул.

— Не советую, Киллиан.

Он поднял голову. Человек в чёрной форме присел перед ним. На его перчатке не было ни знаков различия, ни эмблемы подразделения — только маленькая белая метка на металлической детали экипировки: цветок. Пять лепестков, тонкие линии, стёртые по краям, будто метку носили долго. Киллиан успел заметить её лишь на мгновение — а потом туман за спиной незнакомца шевельнулся, и оттуда, из белой мглы, выступил ещё один силуэт, выше остальных, неподвижный. У него не было оружия. Он просто стоял и смотрел.

Киллиан хотел спросить, что это, но не успел: его ударили по голове. Последнее, что он услышал, был чей-то голос:

— Этого оставить.

— Зачем?

Незнакомец помедлил прежде, чем ответить. В этой паузе лес вокруг будто затаил дыхание — стрельба стихла, даже туман остановился.

— У него ещё есть работа.

Темнота сомкнулась над Киллианом. А где-то в глубине «Чёрного квадрата» продолжала молчать рация «Сектора» — и в этой тишине, если очень прислушаться, можно было различить тот же треск, что и в начале: сухой, рваный, складывающийся в слова, которые никто не должен был слышать.

ГЛАВА 1

2051 год. Рейтаун.

ЭРИКА

Сон не шёл вторые сутки. Веки тяжелели, но стоило закрыть глаза, как сознание услужливо подкидывало обрывки мыслей, образов, тревог — и вот уже тело снова напряжено, а до рассвета ещё целая вечность. Ещё пара таких дней — и я упаду где-нибудь на тренировке. Или, что куда хуже, на задании. Тогда меня ждёт жёсткий выговор за несоблюдение режима — а такой участи я бы не хотела. В этих стенах дисциплина важнее сна.

Моя комната — максимально минималистичное пространство, вычищенное до голой функциональности. Кровать стоит по правую сторону от окна, что по центру стены, сразу под ним — обычный деревянный стол со стулом, вечно заваленный каким-то хламом: бумагами, пустыми гильзами, сломанной зажигалкой и парой потрёпанных книг. Слева высокий шкаф, тоже из дерева, около него серая тумбочка и дверь в ванную. Светильник в углу около входной двери, небольшой коврик на входе. Всё выглядит невзрачно — впрочем, как и вся база. Серая и мрачная. Ну а как иначе?

Поднявшись с кровати и тяжело выдохнув, я направляюсь в ванную. В комнате прохладно после ночи — отчего по коже бегут мурашки, а руки покрываются гусиной кожей. Из окна льётся мягкий лунный свет, рисуя на полу длинные, кривые тени. Я принимаю холодный душ — вода обжигает, стягивает кожу, но это хотя бы ненадолго вымывает из головы вязкую пустоту. Надеваю чёрную тактическую форму, закрепляю оружие по привычке — ремень, кобура, нож в чехле — и выхожу на улицу.

Солнца ещё не было видно. Да и появлялось оно здесь редко — по крайней мере, достаточно редко, чтобы я успела забыть, как выглядит нормальное утро. Сумерки. Густой туман стелется по территории базы, скрывая тренировочные площадки, бетонные заграждения и дальние вышки наблюдения. В воздухе пахнет мокрым камнем, металлом и гарью — запах, который впитался в одежду и в волосы, и от которого уже не отмыться. Атмосферно. Для настоящего времени — в самый раз.

Покинув помещение, я отхожу недалеко и опускаюсь на холодный бетонный блок. Металл под пальцами ледяной, шершавый от времени. Достаю сигарету, закуриваю. Дым тонкой струйкой уходит в туман, растворяясь в нём без следа. Ненавижу бессонные ночи: они оставляют слишком много времени на мысли — а от них я давно предпочитала держаться подальше. Ненавижу, когда мозг закипает.

— Не спится, капитан? — прозвучал голос, который я узнала до того, как его владелец появился из-за угла.

Дмитрий остановился рядом и прислонился плечом к стене, скрестив руки на груди. На нём была такая же чёрная форма, как и на мне. Его волосы каштановые, стрижка короткая, виски выбриты, глаза светло-зелёные, всегда спокойные, сдержанные черты лица без резких линий, но их нельзя назвать мягкими,не особо густая щетина, средние широкие губы, и заключает всё высокий рост с особо выделяющейся широкой спиной.

— Что-то вроде того, — ответила я, выпуская дым из лёгких, слегка разомкнув губы. — А ты почему здесь?

— Решил устроить ночную тренировку, в итоге не смог уснуть. Много думаю.

Он тяжело вздохнул и отвёл взгляд в сторону туманного плаца, и я прекрасно знала, о ком он думал. Декс. Его брат был одним из семерых, отправившихся на задание в «Чёрный квадрат»: два года без новостей, без тела, без единого доказательства того, что он мёртв. Два года надежды, которая с каждым днём становилась всё больше похожа на пытку.

— Всё вспоминаешь его? — спросила я, следя за его выражением лица.

Идиотский вопрос. Конечно, вспоминает. Это его брат. Неужели я действительно ожидала услышать что-то другое? Я затянулась, мысленно выругавшись на саму себя. Дура. Сочувствие никогда не было моей сильной стороной, возможно, потому, что мне самой его никто не предлагал. Я выросла в одиночестве, никто никогда не делал мне поблажек, сплошной айсберг внутри. Иногда я думаю, что у меня нет сердца и вовсе. Катастрофа, случившаяся двенадцать лет назад, забрала всю мою семью, хотя назвать их потерей я бы не смогла, даже если бы захотела. Отец пил больше, чем дышал, мать была обычной швеёй, которая пыталась удержать на плаву то, что давно пошло ко дну, а я росла где-то между отцовскими криками, побоями и материнским молчанием. Она никогда не защищала меня, боялась отца, как огня. Синяки всегда присутствовали на моём теле, но ставились они в местах, закрытых от глаз. Я начала сбегать из дома в возрасте шести лет, лишь бы не слышать скандалы и ругань, и находилась где угодно, только не дома. Когда пошла в школу, уроки со мной никто не

делал, кроме соседки: бабулька часто приглашала к себе и как-то наставляла, готовя к будущей жизни . Мои дни рождения никто не отмечал, подарков я никогда не видела, из-за чего всегда завидовала другим детям. С девочками дружба у меня не складывалась, зато с мальчиками ладила на раз-два, с ними было проще в общении, ведь им не свойственна зависть к шмоткам, вражда по пустякам, они относятся к многим вещам куда спокойнее, чаще смотрят на характер, нежели на твоё социальное положение или внешность.

Часто задаюсь вопросом: “почему именно я выжила?” Понятия не имею, по какому принципу выбирала судьба. Меня спас военный, и, наверное, благодаря ему я всё ещё вижу этот свет.

— Знаешь, — Дмитрий нарушил тишину, — иногда я думаю, как бы я жил, если бы никогда сюда не попал.

Я повернула к нему голову.

— И как же?

— Думаю, мы с братом работали бы на обычной работе и жили бы обычной жизнью. — он усмехнулся, но в этой усмешке не было ничего весёлого. — Иногда, мне кажется, я даже не помню, каким был до всего этого и какие мечты имел.

— Ставлю на то, что так бы и было. — проговорила я в ответ, стряхивая пепел с сигареты, которая догорала потихоньку.

— Обнадёживающий ответ. — ответил Дмитрий, переведя взгляд от тумана, на меня. — Ты сам спросил.

— Я не спрашивал.

— Тогда тебе повезло. Обычно я беру монету за советы.

Он тихо рассмеялся.

— А ты помнишь себя, Эри?

Хороший вопрос. Нет, не помню. Какие-то обрывки из детства,что было слишком коротким. Их затмили более свежие воспоминания о другой военной базе, где я была до этой, отряд, который по частям уничтожали у меня на глазах, а потом я в мгновение ока оказалась здесь. Сплошной хлам. Моя психика, наверное, отчасти перекрыла мне доступ к каким-то деталям, чтобы я не сошла с ума.

— Частично, хорошего мало, Дим.

Всего на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы напряжение между нами немного ослабло. Я ценила его как бойца и как друга: два года назад мы стали одной командой, семьёй,

я стала капитаном и получила свой отряд, и никого из них я больше не имела права потерять. Это были мои близкие люди, с которыми мы уже прошли огонь, воду и медные трубы, и я готова отдать жизнь, чтобы спасти их в любой ситуации, и не важно, взаимно ли это. Мы снова замолчали. Где-то за пределами глухо завыл ветер, металлический флагшток скрипнул, и звук разнёсся по пустому плацу. Я затушила сигарету о край бетонного блока и посмотрела на часы: 04:19. Через сорок минут начнётся утренний сбор, ещё через час отряд будет на тренировочной площадке. Обычное утро. Обычная жизнь, в которой люди исчезали, а оставшиеся делали вид, что всё ещё контролируют происходящее. Но нет.

— Ладно, капитан, — Дмитрий оттолкнулся от стены. — Пойду, попробую тогда ещё потренироваться.

— Постарайся не сломать себе ничего от перенагрузки. Мне не хочется искать замену ещё одному идиоту.

— Ты очень заботливая. — улыбнулся он, отойдя в сторону.

— Знаю.

Дима покачал головой и направился к тренировочному корпусу, а я проводила его взглядом, пока туман не скрыл его силуэт, как в каком-то мрачном фильме. Затем я поднялась, поправила ремень на плече и направилась обратно. Мне предстоял ещё один день, и я собиралась прожить его так же, как все предыдущие: выполнять приказы, отдавать собственные и не задавать лишних вопросов, по крайней мере..так я думала, потому что в тот момент я ещё не знала, что совсем скоро на нашей базе появится человек, которого не должно было существовать в списках живых, и уж точно не подозревала, что одного его появления окажется достаточно, чтобы прошлое, которое я так старательно пыталась забыть, снова вцепилось мне в горло.

— Капитан Гейзэл, вас вызывает генерал.

В дверь моей комнаты постучали, пока я убирала некоторые вещи на столе. Я подняла голову и увидела на пороге майора.

— Через пять минут буду. Спасибо.

Дождавшись, пока дверь закроется, я взяла бронежилет и оставила его на кровати рядом с оружием, поправила форму, собрала волосы в хвост и бросила последний взгляд на часы. Действительно пора выходить. Мне совершенно не хотелось выяснять, что понадобилось генералу Ленэлу Райтонгу в такую рань — всё равно приказы не обсуждают, по крайней мере, если не хочешь провести остаток дня на плацу. Генерала я уважала: за пять лет он многое вложил в меня, и за это я ему очень благодарна. Ему было около пятидесяти, но седина лишь добавляла ему веса — высокий, с прямой спиной и цепким взглядом, от которого не укрывалась ни одна мелочь. Он редко вызывал кого-то без причины, а значит, дело и правда серьёзное.

Выхожу в коридор. Штаб уже просыпался: где-то за стеной гремело оборудование, из тренировочного корпуса доносились голоса, а по коридорам проходили солдаты,

торопившиеся на утренний сбор. Всё как обычно, пока моё внимание не привлекло движение за окном. Военная высокая машина, вроде обычного тигра, но чёрная, бронированная, с тонированным стёклами — медленно приближалась к центральному входу, и я невольно замедлила шаг. Гости? Машина по эмблемам наша, но почему через этот въезд? Через эти ворота подобные машины въезжали нечасто: обычно их появление означало одно из трёх — высокопоставленное командование, секретный груз или неприятности, о которых нам предпочли не сообщать заранее. Или вовсе это не наше дело. Иногда всё сразу.

Я подошла ближе к подоконнику. У ворот уже стояли пятеро вооружённых охранников — не обычная смена: слишком собранные, слишком напряжённые. Один из них что-то говорил в рацию, второй проверял крепления на оружии, остальные внимательно следили за машиной. Что за чёрт? Я собиралась продолжить путь, когда задняя дверь бронированного автомобиля открылась, и двое направили автоматы на дверь. И мир на мгновение остановился. Двое воен-

нослужащих вывели высокого, мускулистого мужчину. *Его*. Я узнала бы эту походку даже в полной темноте, лишь по звуку: Киллиан Кайертон, наёмный убийца отряда «Рэд», который пропал два года назад, спонсор моих кошмаров. После него даже *мои* нервы решили послать меня нахуй, далеко и подальше. Имя, которое я не произносила слишком долго, имя, которое, как я планировала, больше никогда не пересечётся с моей жизнью. Профессиональный головорез, безжалостный истязатель, человек, чья репутация заставляла даже опытных бойцов выбирать слова осторожнее. Красивый подонок, но страшный внутри — по крайней мере, так о нём говорили, но слухи никогда не интересовали меня, ведь имелись собственные воспоминания: он может испортить психику. Его крепкие руки с широкими плечами были скованы наручниками, такие же удерживали его ноги; чёрная одежда: какие-то штаны и футболка — порваны, ткань местами пропитана кровью, на лице с чёткими скулами и острой линией челюсти свежие ссадины и следы побоев, платиновые волосы, достаточно длинные, чтобы упасть на глаза в крови и грязи. Он выглядел так, словно его пытались сломать, и, судя по всему, у них что-то получилось. Даже издалека в нём чувствовалась опасность — не та, которую создают оружие или угрожающая поза, нет, хуже: он выглядел человеком, которому уже нечего терять. Моё сердце пропустило удар, а затем забилось так сильно, что я почувствовала его где-то в горле. *Нет*. Нет, этого не может быть. Его отряд пропал, как и «Сектор», но он стоит сейчас тут. Пусть это будет грёбаным сном. Я смотрела на него, пытаясь убедить себя, что ошиблась, что усталость и бессонные ночи окончательно испортили мне зрение, что передо мной просто какой-то похожий ублюдок, который представляет некую опасность, но затем он поднял голову.. и наши взгляды встретились. Всего на секунду. И этой секунды оказалось достаточно. Земля словно ушла у меня из-под ног: воздух застрял в лёгких, пальцы похолодели, а всё вокруг превратилось в размытое пятно и зазвучало где-то далеко, отдалённо, неотчетливо. Я слышала собственный пульс, больше ничего — ни голосов охраны, ни шума двигателя, ни скрипа ворот. Только тишину внутри собственной головы. Ту самую тишину, которая наступает перед выстрелом. Взгляд голубых глаз Киллиана смотрел прямо на меня. Это действительно… он.

Киллиан едва заметно приподнял уголок губ. Эта широкая ухмылка. Чёрт бы её побрал. Я помнила *её* слишком хорошо.

— Эра?

Чья-то тяжёлая рука легла мне на плечо, и я вернулась на проклятую землю, предательски вздрогнув. Резко оборачиваюсь, едва не сбросив чужую ладонь. Передо мной стоял Рик, парень высокого роста, волосы черные короткие, однако, в них возможно запустить пальцы, лежат небрежно, глаза ярко-голубые, цепкие. На лицо смазлив,губы всегда алые, чуть пухлые, чёткая линия носа и подбородка, и густые брови. Такие, как он часто привлекают внимание женского пола. Он нахмурился, внимательно разглядывая моё лицо.

— Ты в порядке?

Я открыла рот, но слова так и не появились, и пришлось заставить себя выдавить:

— Да. Всё нормально. — Ложь прозвучала слишком быстро, и Рик явно мне не поверил.

— Ты побледнела. — нахмурился парень, глядя на меня с беспокойством. — Просто не выспалась.

— Ты вообще когда-нибудь спишь?

— Рик. — предупреждающе отозвалась я, показывая, что не собираюсь давать ему отчёт. Одного слова оказалось достаточно, чтобы он замолчал. Обычно мой тон действовал безотказно, но сейчас я сама услышала в нём что-то чужое, нервное, почти испуганное. А я не боялась. Не *его*. Не *теперь*.

— Мне нужно идти, — бросила я и, не дожидаясь ответа, направилась к кабинету генерала.

Я не обернулась. Ни разу. Но даже когда тяжёлая дверь кабинета закрылась за моей спиной, я всё ещё чувствовала на себе взгляд Киллиана Кайертона, будто бы он прямо за моей

спиной. И впервые за долгие годы мне стало по-настоящему не по себе — не потому, что он был здесь, а потому, что я до сих пор помнила, каким он был до того, как превратился в человека, которого теперь привезли сюда в наручниках. И этого человека *похоронили два года назад*.

Глава 2

ЭРИКА

Закрываю за собой дверь кабинета и несколько секунд стою неподвижно, пялюсь в одну точку где-то перед собой, пытаясь вернуть дыхание в норму, но в глазах пляшут чуть ли не белые точки. Не помогло. Пальцы дрожали, перед глазами мелькали обрывки воспоминаний, которые я годами старалась не вытаскивать на свет. Я стиснула зубы, прошла к столу и опустилась на стул. Соберись, Гейзэл. Ты капитан «Зевса», тебе подчиняются люди, которые доверяют тебе свои жизни; ты принимала решения под огнём, вытаскивала бойцов из-под завалов и собственными руками принимала решения под огнём, вытаскивала бойцов из-под завалов и собственными руками закрывала глаза тем, кому уже нельзя было помочь. Ты не имеешь права терять самообладание из-за одного человека. Даже если этот человек — Киллиан Кайертон.

— Опять не спишь ночами?

Я подняла взгляд. Генерал стоял возле стола с бутылкой воды в руке и протянул её мне, не задавая лишних вопросов. Взяв её, я сделала несколько глотков: холодная вода помогла немного прийти в себя.

— Да, — выдавила я, потирая переносицу, не желая лгать.

— Твои бойцы за тебя переживают.

— Зря тратят нервы.

— Эрика. — голос Генерала сейчас прозвучал в духе “не начинай”, прямо как та интонация, которую я пыталась выдавить перед Риком.

Я замерла. Генерал редко называл меня по имени: обычно я была для него капитаном Гейзэл — человеком, который выполняет приказы и отвечает за свой отряд, поэтому подобное обращение означало, что разговор перестал быть формальным.

— Ты можешь хотя бы иногда признавать, что тебе тяжело? Я пять лет наблюдаю одно и то же, и ты единственная, кто никогда не обращается за помощью.

— А это что-то изменит? — я усмехнулась, но вышло неубедительно. — Возможно, нет, но молчание тоже не решает всех проблем.

— Тогда, когда найду время для душевных бесед, обязательно к вам обращусь. Генерал тяжело вздохнул: судя по его лицу, моё чувство юмора он сегодня не оценил.

— Ладно. Не хочешь говорить — не буду заставлять, но когда решишь, что больше не обязана справляться со всем в одиночку, я готов тебя выслушать.

— Я в норме, сэр. — я отвела взгляд. Чёрт. Ненавижу, когда люди проявляют доброту в тот момент, когда я меньше всего способна с ней справиться.

— Разумеется. — по его тону было ясно, что он мне не верит. Генерал вернулся к столу, открыл ящик и достал толстую папку, затем положил её передо мной. — Теперь к делу.

Я выпрямилась: наконец-то что-то знакомое. Приказы, задачи, конкретные вещи, которые можно разобрать по пунктам, вместо того чтобы пытаться понять, почему люди должны делиться своим внутренним миром и как это помогает в жизни.

— Что это?

— Материалы по новому назначению. Прочитай внимательно. Некоторые документы засекречены, поэтому за пределами этого кабинета обсуждать их запрещено.

Я открыла папку: внутри лежали отчёты, фотографии, медицинские заключения и несколько листов с грифом особой секретности. На первых страницах были указаны даты, номера подразделений и краткие описания проведённых операций. Я перелистнула несколько страниц, затем остановилась. На фотографии был *он*. Киллиан Кайертон. Только теперь на нём не было наручников: он стоял перед камерой в чёрной форме, напоминающей нашу, с прямой

спиной и холодным взглядом человека, которому совершенно не нравилось, что его фотографируют. Под снимком стояла подпись:

КАЙЕРТОН КИЛЛИАН. СТАТУС: ПОГИБШИЙ.

Я перечитала строку один раз, второй, затем медленно подняла глаза на генерала.

— Вы можете объяснить, почему в документах он числится погибшим? — спросила я, давая понять, что уже в курсе о его прибытии сюда.

Генерал не ответил сразу: он обошёл стол, сел напротив и сложил руки перед собой.

— Потому что два года назад Киллиан Кайертон пропал во время специальной операции, которая тоже проходила в том месте, куда был послан наш отряд. Отчёт на десятой странице.

В кабинете стало слишком тихо, и я снова посмотрела на фотографию.

— Семь человек, — произнесла я. — Отряд «Рэд» от базы «Бартон». Точь-в-точь как отряд с нашей стороны, который должен был доставить «Объект 31» им.

— Верно. — кивнул генерал.

— Их дело закрыли, всех объявили пропавшими без вести, а объект, который они должны были доставить, признали утерянным.

— Ты хорошо осведомлена, капитан. — похвалил он.

— Я читаю отчёты, сэр. — это была лишь часть правды, но сейчас не время вспоминать, почему именно это дело я запомнила лучше остальных. Я закрыла папку, стараясь не выдать выражением лица то, что происходило у меня внутри.

— Тогда почему он здесь?

Генерал вновь выдержал короткую паузу.

— Потому что сутки назад его обнаружили на территории заброшенного военного объекта к северу от карантинной зоны. Он был один, без оружия, без документов и без объяснений, которые можно было бы проверить.

— И вы решили доставить его сюда?

— Не я принимал решение о транспортировке.

— Тогда кто? — я прищурилась.

Генерал посмотрел на меня так, словно заранее знал, что мне не понравится следующий ответ.

— Центральное командование «Бартона». Им поступило письмо о том, что их боец обнаружен без сознания и переведён для дальнейшего сотрудничества в Рейтаун. Наши военные встретились и нам передали его.

Я медленно откинулась на спинку стула. Конечно. Кто же ещё.

— И что от меня требуется?

— Кайертон будет временно прикреплён к твоему подразделению. До завершения проверки, ты отвечаешь за его размещение, сопровождение и участие в операциях, если такие будут назначены.

Я молчала.

— Есть ещё кое-что, капитан, — добавил генерал.

— Что именно? — спросила я, взглянув в его глаза.

Он подвинул ко мне отдельный лист, на нём было всего несколько строк, но последняя заставила меня снова почувствовать холод в пальцах.

Приказ о переводе Киллиана Кайертона в подразделение «Зевс» был подписан *за сутки* до его обнаружения.

Я медленно подняла взгляд от бумаги, вновь на его лицо.

— Вы хотите сказать, что кто-то знал, где он находится? — честно говоря, я была удивлена.

— Я хочу сказать, что мы не знаем, кто подписал приказ. Видимо, мы будем иметь дело с чем-то серьёзным.

— Но подпись есть.

— Подпись есть, разрешение на перевод подтверждено, однако генерал с «Бартона», указанный в качестве инициатора, отрицает, что отдавал такой приказ. Для него тоже сюрприз, что он жив; к слову, в ближайшее время он посетит нас, хочет посмотреть на него и поговорить.

Я снова посмотрела на документ. Кто-то подготовил его перевод заранее. До того, как Киллиана нашли. До того, как его доставили на базу. Возможно, даже до того, как кто-либо вообще узнал, что он жив.

— И вы всё равно собираетесь оставить его здесь? — спросила я.

— Он должен знать кое-что об операции двухлетней давности. Мы надеемся получить ответы. Для двух сторон это важно теперь.

— А если он откажется говорить?

Генерал не отвёл взгляда.

— Тогда тебе придётся выяснить, почему его возвращение было настолько важно для тех, кто подписал этот приказ.

Я закрыла папку. Теперь всё становилось гораздо хуже, чем я предполагала. Киллиан Кайертон был не просто человеком из моего прошлого, он был частью операции, которую кто-то очень старательно пытался забыть и теперь его собирались сделать частью моего отряда.

— Когда он приступает? — спросила я.

— Уже сегодня. Сейчас он находится в медблоке, ему оказывают помощь и берут всевозможные анализы для расследования.

Я медленно выдохнула. Прекрасно. Просто охренительно.

— Есть ещё какие-нибудь сюрпризы, сэр? — спросила я, приподняв одну бровь, уже не представляя, чем можно ещё усугубить ситуацию.

— Надеюсь, что нет, капитан, но вечером зайди ко мне в кабинет.

Я поднялась, взяв папку подмышку и направилась к двери.

— Эрика. — позвал он меня.

Я остановилась, но не обернулась.

— Не позволяй личным обстоятельствам повлиять на твоё решение. Я назначаю его под твою ответственность, потому что доверяю тебе.

На секунду я закрыла глаза. Личные обстоятельства, ну как же. Если бы он только знал.

— Не беспокойтесь, сэр. Я умею отделять работу от личного. — и на этот раз я почти сказала правду.

Я вышла из кабинета, крепко сжимая папку. В коридоре всё было по-прежнему: солдаты спешили по своим делам, где-то хлопнула дверь, издалека донеслась команда сержанта. Только теперь я знала, что Киллиан Кайертон жив и что совсем скоро мне придётся смотреть ему в глаза не через окно и не из-за спин охраны, а на расстоянии вытянутой руки. Я не знала, что он помнил обо мне, не знала, почему вернулся, и хуже всего — не знала, можно ли считать его возвращение случайностью, но одно я понимала совершенно точно: если Кайертон действительно был мёртв для всего мира, то кто-то только что совершил огромную ошибку, вернув его к жизни. И предстояло выяснить, кто именно.

Глава 3

ГЛАВА 3

КИЛЛИАН

Вот *она*. *Маленькая чертовка*. Стоит примерно в нескольких метрах от меня, и я впервые за долгое время чувствую нечто похожее на удовлетворение. Чёрт возьми, я так долго мечтал увидеть её снова, что уже начал сомневаться, существовала ли она вообще или мой больной мозг просто решил поиздеваться надо мной. Но нет, она настоящая: та же безумно знакомая внешность, эти пухлые губы, мягкие черты, большие карие глаза, настолько тёмные, что зрачков почти не видно, длинные до пояса платиновые волосы, обычно убранные в мальвинку на затылке, но сегодня она изменила своим привычкам; брови на несколько тонов темнее волос, рост ниже среднего и аккуратное, пропорциональное телосложение. Выглядит столь изящной и хрупкой, но на деле такой совершенно не является. Однако, сейчас она смотрит на меня так, будто перед ней не человек, а какая-то мерзкая тварь, которую по ошибке выпустили из клетки. Наручники впиваются в запястья, ноги тоже скованы металлическими фиксаторами, каждое движение отдаётся тупой болью, а разбитое лицо напоминает, что встреча с этими ублюдками прошла далеко не так приятно, как мне хотелось бы. Подождите, с какими? Нос всё ещё кровоточит, и солёный привкус крови не даёт забыть об этом ни на секунду. Хотя, если честно, сейчас меня беспокоит совсем не это. *Уроды* накачали меня блокаторами памяти или чем-то ещё, не знаю: в голове сплошная каша, обрывки воспоминаний вспыхивают и тут же исчезают, оставляя после себя только головную боль. Я не могу восстановить даже половину произошедшего. Кто меня поймал? Как я оказался здесь? Что случилось за последнее время, которое будто вырвали из моей жизни? Мы были на задании? Хрен его знает, вроде да, тогда где остальные?

За дверью слышны шаги: охраны, судя по звукам, хватает на небольшой военный отряд — тяжёлые ботинки, приглушённые голоса. Даже если бы мне удалось освободить руки, далеко бы я не ушёл, а самое паршивое — я даже не знаю, где нахожусь. Меня приковали к чёртовому креслу, бросили в незнакомом помещении и не удосужились объяснить, какого хрена от меня хотят. Проходит несколько минут. Замок щёлкает. Дверь открывается, и в кабинет входит *она*. Я невольно выпрямляюсь, насколько позволяют фиксаторы, и взгляд цепляется за каждую мелочь: напряжённые плечи, едва заметный тремор пальцев, настороженность в глазах. Она старается держаться уверенно, но я слишком хорошо умею замечать то, что люди пытаются скрыть. Она боится. И почему-то это бьёт сильнее всего. Она ничего не помнит?

Мысль возникает внезапно, почти болезненно, и я смотрю на неё, пытаясь найти хоть что-нибудь в её лице: признаки того, что она меня узнаёт, злость, ненависть, желание врезать мне по морде, может быть, радость, от того, что такая возможность появилась? Но ничего. Для неё я просто очередной опасный уёбок, которого притащили на базу в наручниках, монстр, которого следовало бы держать подальше от нормального мира. Если она здесь, значит занимает какую-то должность выше обычной военной. Интересно.

Мы долго смотрим друг на друга, и в комнате становится так тихо, что я слышу собственное дыхание. Первым не выдерживаю я: медленно ухмыляюсь, хотя разбитая губа тут же отзывается болью, и опускаю голову. Ну здравствуй, Эрика. Давно не виделись.

— Что с тобой произошло? — спрашивает она.

Голос ровный, почти холодный, и она остаётся возле двери, не делая ни шага в мою сторону, будто даже скованные руки не убеждают её, что я сейчас не собираюсь набрасываться на неё, но, признаться, от такой идеи я бы не отказался.

— Мг… Без понятия, — отвечаю я. — Мне самому интересно.

— Это не ответ. — она чуть хмурится, и я замечаю, как её пальцы сжимаются в кулак. — Два года ты числился погибшим. А теперь сидишь передо мной.

Вот так нихуя себе. Два года? Это розыгрыш? Я медленно и удивлённо поднимаю на неё глаза, пытаясь понять, шутит ли она, но по её лицу не похоже. Значит, для остальных я действительно мёртв. Забавно. В каком-то смысле они даже не ошиблись: от того человека, которым я был раньше, внутри, похоже, осталось не так уж много.

— Без понятия, зайка, — произношу я, стараясь, чтобы голос звучал привычно непринуждённо, пусть я сейчас мягко говоря в шоке. — В моей голове пусто: я не знаю, что произошло, не знаю, где нахожусь, и понятия не имею, какого ответа ты от меня ждёшь.

Она щурится на прозвище, но ничего не говорит. Её взгляд на мгновение опускается к наручникам, затем снова возвращается к моему лицу, и кажется, она хочет сделать шаг вперёд, даже переносит вес на одну ногу, но передумывает и остаётся там же — по другую сторону невидимой границы, которую сама же между нами провела. Чёрт. Я не знаю, что произошло за эти два года, не знаю, что со мной сделали и почему память разваливается на куски, но одно могу сказать точно: видеть её такой я не хотел. Не с этим взглядом, в котором нет ничего, кроме настороженности и чужого недоверия. Хотя если подумать, я действительно внес корректировки в ее нервную систему.

— Ты действительно ничего не помнишь? — наконец спрашивает она. — Если бы помнил, думаешь, сидел бы здесь и строил из себя идиота? — Ты и без этого прекрасно справляешься.

Я почти смеюсь, но её лицо снова становится непроницаемым.

— Я сообщу генералу, что ты не предоставил никакой информации. — Рад был поговорить, зайка.

Она не отвечает. Просто разворачивается и выходит. Вот так. Ни попытки выяснить, что со мной сделали, ни одного слова, которое могло бы дать мне хоть какую-то надежду. Дверь закрывается, я запрокидываю голову и прикрываю глаза.

— Сука… — не знаю, на кого злюсь сильнее — на неё, на себя или на тех ублюдков, которые превратили мою жизнь в чёртов провал памяти. Хотя она имеет право меня ненавидеть: то, что произошло пять лет назад, я ещё помню, но я не тронул её и пальцем, мужики переборщили, но мы исполняли приказ, нарушить который не могли. Однако, единственный придурок, который всё-таки это сделал, был я, но я предложил цену за искупление. Не успеваю толком собраться с мыслями, как замок снова щёлкает. В помещение входят двое здоровенных охранников, следом появляется мужчина в белом халате — медик, судя по всему. В руках у него небольшой металлический лоток, на котором поблёскивают ампулы и шприц. Мне это сразу не нравится.

— И что за херня теперь? — спрашиваю я, переводя взгляд с одного охранника на другого. — Собрались устроить мне медицинский осмотр без моего согласия?

Никто из них не отвечает, а мужчина в халате даже не смотрит мне в глаза: он подходит ближе, проверяет фиксаторы на моих руках и что-то отмечает в планшете.

— Эй. Я с тобой разговариваю, сука.

Но реакции нет. Один из охранников грубо перехватывает меня за плечо, прижимая к спинке кресла, второй становится сбоку, перекрывая единственный выход. Я дёргаюсь, проверяя прочность креплений: металл болезненно впивается в кожу.

— Последний раз спрашиваю, — рычу я, чувствуя безысходность и долбанную тревогу. — Что вы собираетесь мне вколоть?

Медик наконец поднимает голову: на его лице нет ни злости, ни сочувствия, только равнодушие человека, который выполняет привычную работу.

— Зафиксируйте его.

— Да пошли вы… — я не успеваю договорить: холодная рука касается моей кожи, короткий укол — и я чувствую, как под ней распространяется неприятное жжение.

— Какого…

Я резко дёргаюсь, но охранники удерживают меня на месте. Мужчина убирает шприц и спокойно отходит, будто только что сделал мне обычную прививку, и смотрит изучающим взглядом. Я что, на опытах? Блять, этого не может быть.

— Что ты мне вколол, ублюдок?

Ответа нет. Сначала кажется, что ничего не происходит, и я даже успеваю набрать воздуха, чтобы продолжить орать на этих придурков, а потом стены начинают плыть: свет над головой расплывается белым пятном, звуки становятся глухими, словно меня резко опустили под воду. Я пытаюсь сфокусировать взгляд на лице медика, но оно двоится, распадается на несколько смазанных силуэтов. Чёрт. Что за дрянь? Я напрягаю руки, пытаясь удержаться в сознании, но тело внезапно становится чужим: мысли путаются, слова теряют смысл, а головная боль накрывает с такой силой, что я морщусь, тряхнув головой. Последнее, что успеваю заметить, — мужчина в белом халате что-то говорит охраннику. Слова неразборчивы. Веки тяжелеют. Только *не снова*. Не знаю, что страшнее: потерять ещё один кусок памяти или однажды обнаружить, что от меня самого больше ничего не осталось. Темнота подступает слишком быстро. На мгновение мне кажется, что я уже умер, а затем исчезает и эта мысль. Остаётся только тишина.

Глава 4

ГЛАВА 4

ЭРИКА 2046 ГОД

Я думала, что до тридцати точно доживу. Блядь, похоже, ошибалась. Ремень туго затянут на шее, и каждая попытка пошевелиться заставляет его врезаться в кожу. Тело ноет от побоев, губы разбиты, а во рту стоит металлический привкус крови. Сколько мы здесь? Неделю? Две? Я уже не уверена. На сигнал никто не ответил: неужели нас не нашли? Или… про нас просто забыли? Подвал почти не освещён, глаза давно привыкли к темноте, но очертания предметов всё равно расплываются. Из-за двери доносятся крики — истошные, нечеловеческие, будто с кого-то заживо сдирают кожу. Я зажмуриваюсь, но от звуков не спрятаться. Скрипит дверь, в проёме появляется силуэт; лица не разглядеть. Незнакомец проходит внутрь, поворачивает направо и поднимает руку. Раздаётся выстрел. Лиам.

— Нет… Нет, прошу, нет! — я кричу так, как только получается.

А его крик разрывает тишину. Я дёргаюсь, пытаясь подняться, добраться до него, сделать хоть что-нибудь, но тело не слушается: ремень впивается в шею ещё сильнее, перекрывая дыхание.

— Лиам!

Он не отвечает. Тот урод подходит к нему и достаёт нож. Я отворачиваюсь, но слишком поздно: лезвие касается кожи и медленно скользит по телу, оставляя за собой кровавые линии. Он действует неторопливо, почти аккуратно, словно перед ним не живой человек, а холст, на котором можно рисовать. Чёртов художник. Он наслаждается каждым движением. Слёзы текут по щекам, я пытаюсь снова закричать,

но из горла вырывается только хрип. Ничего не могу сделать. Ничего. Пожалуйста… Хватит. Я закрываю глаза, стараясь заглушить его крики, собственное дыхание и звук шагов, приближающихся ко мне. Кто-то наклоняется к самому моему уху, тёплое дыхание касается кожи.

— Прости, малыш. Так нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.